

АРХЕОЛОГИЯ

ГРЕБНИ ИЗ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОГРЕБЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

А.А. ТУАЛЛАГОВ
доктор исторических наук,
заведующий отделом археологии СОИГСИ

В настоящее время достаточно хорошо известны образцы односторонних гребней из скифских погребений Среднего Дона и Северного Причерноморья. Так, гребень с дыркой для подвешивания, изготовленный из оленьего рога, был найден в кург. № 8 могильника Терновое I. Его украшала фигура гепарда, покрытая циркульным орнаментом. Справедливо отмечается нехарактерность образа гепарда, обитающего в пустынях и полупустынях Средней Азии, так и самой изобразительной манеры для скифского искусства (13, с. 28, рис. 6). В кург.

№32/32 могильника у с. Мастюгино обнаружена золотая оковка гребня, украшенная изображениями реалистичных и фантастических животных и рыбы (20, таб. 33, 9, 10; 32, с. 67–68, рис. 40, 1, 1а). Всемирную известность приобрел золотой гребень античного производства из кургана Солоха, украшенный батальной сценой. Вероятно, мастер, работавший на заказ, воспроизвел один из типов собственно скифских гребней (50, с. 210). Полагают (3, с. 76–78), что древнейшим образцом подобного типа гребней является гребень с изображением двух головок птиц из синдо-меот-

ского Второго Семибратнего кургана на Северном Кавказе (20, с. 221, рис. 3 а–в). Но, в отличие от солохского экземпляра, семибратненский, как и гребни из погр. №4 Гаймановой Могилы, склепа Куль-Обы, кург. №11 группы «Частые курганы» (3, рис. 3, 1–2; 23, с. 219, 220, 222, рис. 2 б–в, рис. 4 а–б; 19, таб. 33, 7–8), были составными, сочетавшими в себе костяные или деревянные зубья с золотой высокой декорированной спинкой.

К выделяемой группе костяных односторонних гребней-расчесок с ажурными зооморфными изображениями на спинке относят и образец из кург. №14 могильника Новозаведенное-II на Северном Кавказе, хотя его спинка оставалась недекорированной. Данный тип гребней считают (47, с. 258, рис. 1, 3–7, 2, 1–6; 41, с. 93, 94, рис. 1, 2) собственно скифским, а их прототипы с ажурным навершием усматривают в образцах из погребальных комплексов Тувы VII–VI вв. до н. э.

Оригинальную группу скифских односторонних гребней составляют костяные образцы с длинной ручкой, отходящей от спинки. Один экземпляр происходит из кург. № 2 у с. Перебыковцы на Среднем Днепре, а два — из Немировского городища. Полагают (41, с. 94–96, рис. 1, 1–3), что эти гребни, возможно, служившие для расчесывания бороды, как и образец из Новозаведенное-II, восходят к единым прототипам. В качестве таковых представляются тагарские гребни.

Во впускном погр. №3, кург. №4 группы Красногоровка на Нижнем Дону была найдена ложечка-гребень, изготовленная из скола трубчатой кости крупного рогатого скота. Погребение

принадлежало участнику скифского объединения, возвратившемуся из переднеазиатских походов, но до передвижения на Нижний Дон побывавшему на Северном Кавказе. По мнению авторов публикации (7, с. 189, 194, рис. 6, 1), отдаленной аналогией ложечке-гребню служат гребни с узкой высокой спинкой и с такой же спинкой, но оканчивавшейся плоским овальным щитком, найденные на поселении у с. Жаботин (30, с. 175, 176, рис. 4, 23–24). Другие исследователи (41, с. 94) отрицают соответствующее применение красногоровского образца, предполагая его использование в качестве вилки или ложки. Второе решение кажется логически правдоподобным, хотя мне не известны вилки в раннескифских памятниках. «Ложечный» конец предмета слишком мал, и вряд ли в то время кочевники нуждались в специальных десертных ложечках. К сожалению, красногоровское погребение было потревожено поздним сарматским захоронением, что затрудняет восстановление полной картины. Но находка в нем костяной «иглы» позволяет предполагать, что погребение принадлежало женщине. Возможно, одна сторона ложечки-гребня применялась для изготовления или подготовки к употреблению каких-то косметических веществ, а гребешок — для обработки, например, бровей или отдельных участков волос.

Другую группу скифских костяных гребней представляют двусторонние образцы. Двусторонний деревянный гребень найден в скифском кургане у с. Аксютинцы, а костяной — в скифском погребении малого кургана близ Огуз. Близок второму образцу костяной гре-

бень из погребения мавзолея Неаполя Скифского (43, с. 168, таб. XIV, 28; 42, с. 149, таб. XIX, 10, 13). Без сомнения, они появляются у скифов за счет влияния античных центров Северного Причерноморья, где подобные гребни изготавливались из дерева (47, с. 258, рис. 1, 1–2).

Своеобразная картина складывалась на Северном Кавказе. Здесь цельные костяные гребни, украшенные изображениями лани в лежащей и вывернутой позах, ноги копытного животного, обнаружены в центральном погребении кург. № 4 могильника Гойты и в погр. № 2, кург. № 7 Орджоникидзевого могильника, располагающихся на территории современной Чечни (в некоторых работах на месте последнего указываются Ассиновский или Ачхой-Мартановский могильники). При изготовлении этих гребней их поверхности была придана плоская форма, использовалась сквозная резьба и гравировка. Они, как отмечают исследователи (24, с. 160–162, 169, рис. 10, 1, 2; 9, с. 53–56; 12, с. 11, 34–35, 61, 62, рис. 15, 6, 19, 1, 2), сочетают скифо-савроматские традиции (позы животных, изображение их отдельных частей) с особенностями античного оформления (ряд двойных кружков, пальметки, лепестковый орнамент, элемент крыльев и его оформление) и могли быть изготовленными в античных центрах Боспора.

О знакомстве ранних кочевников Южного Приуралья с гребнями свидетельствует находка среди вещей V в. до н. э. курганной группы Пятимары II части самшитового гребня производства мидо-иранских или закавказских мастеров, украсивших его зооморфным

сюжетом переднеазиатского происхождения (40, с. 160). Предполагают (42, с. 149), что этот гребень мог быть двусторонним. Однако состояние находки не позволяет сделать однозначный вывод. Фрагментированный костяной гребень, украшенный сетчатым орнаментом и, возможно, зооморфным изображением обнаружен в среднесарматском погр. №1, кург. №13 Лебяжского могильника (36, с. 18, рис. 14, 6).

Традиционными для сарматов считаются двусоставные гребни, состоящие из несколько разнящихся по форме костяных пластин, украшенных стилизованными изображениями парных голов лошадей и птиц, и вставлявшихся в них деревянных гребней. Исследователи полагают, что они наиболее характерны для III–II вв. до н. э. и не встречаются позднее данного периода. Костяные пластины могли украшаться орнаментом из врезных прямых или зигзагообразных линий, из вписанных друг в друга кругов. Некоторые пластины имели в нижней части отверстия для прикрепления деревянной части. Формы лошадиных голов схожи с аналогичными изображениями на бронзовых пластинах таштыкской культуры, что предполагает (38, с. 25) заимствование изобразительной манеры сарматами и таштыкцами из единого источника.

Вместе с тем, известны и другие, близкие им по форме и манере оформления, гребни. Они представляли собой цельные костяные образцы с высокой спинкой, украшенной парными головками птиц. На них сохраняется известный орнамент из вписанных друг в друга кругов. Гребни

имеют специальные отверстия для подвешивания. находка такого гребня в погр. № 25, кург. № 18 могильника Старые Кишки (35, с. 62, 79, рис. 11, 7) позволяет синхронизировать этот вид гребней с упоминавшимися выше двусоставными. Однако, в отличие от последних, цельные костяные гребни оказываются в употреблении у сарматов гораздо дольше, о чем свидетельствует находка такого экземпляра в позднесарматском погр. № 1, кург. № 18 могильника Высочино V (6, с. 157, 168, рис. 5, 6). Обращает на себя внимание, что указанные сарматские гребни, как и скифские гребни с длинной ручкой, практически аналогичны костяным гребням из памятников тагарской культуры, которая впоследствии послужила основой для сложения таштыкской культуры. Например, они одновременно представлены в тагарском могильнике Кичик Кюзюр I в Хакасии (14, рис. 7, 13–14). Следует полагать, что именно тагарские образцы и являются прототипами для скифских и сарматских гребней, т. е. имеют единый источник происхождения, но касались различных образцов.

Судя по всему, сарматы, продвигнувшись с востока к Дону, принесли с собой и уже традиционные для них гребни. Впоследствии здесь они могли познакомиться и с импортными черняховскими трехчастными гребнями (22, с. 231, рис. 12, Д 2), дериваты которых начинает использовать и население северопричерноморских античных центров (48, таб. СXXX, 12; 16, с. 72, таб. 44, 196). Образец типичного для черняховской культуры гребня найден и в Центральном Предкавказье (17, с. 102, 127).

Что касается сарматских памятников Северного Кавказа, то находки в них гребней до последнего времени практически не были известны. Сегодня ситуация несколько меняется, открывая перед нами своеобразное положение. Костяной гребень с треугольным выступом на спинке (45, рис. 35, 1) найден в раннесарматском погр. № 4, кург. № 3 у ст. Терская в Северной Осетии (раскопки Р.С. Сосранова в 1990 г.). Лишь по наличию выступа он отдаленно напоминает деревянный гребень с трапециевидным выступом на спинке из позднесарматского погребения в кург. № 41 Суловского могильника (37, с. 119, рис. 8, 9). Без учета выступа он может быть сопоставим с гребнем из указанного скифского кургана могильника Новозаведенное-II. Полностью же аналогичные по форме терскому гребню образцы мне остаются неизвестными.

Вдругом раннесарматском погр. № 56, кург. № 2 у с. Заманкул в Северной Осетии обнаружен фрагментированный костяной гребень (45, рис. 35, 2), спинка которого была украшена прорезным орнаментом (материалы любезно предоставлены В.Л. Ростуновым). Определить, составлял ли данный орнамент просто геометрическую композицию или являлся частью, например, зооморфного изображения, точно не представляется для меня возможным. Сам принцип прорезной орнаментации спинки гребней, вроде бы, не был свойственен известным раннесарматским образцам. Отдаленную аналогию по форме и хронологически более раннюю, возможно, представляет собой, например, костяной гребень из ананьинского погр.

№194 Старшего Ахмыловского могильника (28, с. 21, рис. 2, 21).

Еще один фрагмент костяного гребня найден в погр. № 7, кург. №1 того же могильника (45, рис. 35, 3). На спинке гребня нанесен циркульный орнамент, под которым между двух параллельных линий проведена зигзагообразная линия. Сама форма гребня напоминает известные к тому времени образцы двусторонних гребней, однако фрагментированность нашего экземпляра, как и упоминавшегося пятимарского образца, не позволяет прийти к однозначному выводу. Вместе с тем, следует отметить, что находка деревянного двустороннего гребня в сарматском погр. №7, кург. №1 могильника Александрин I (Обливский район Ростовской области) (27, рис. 20, 3) подтверждает использование сарматами подобных гребней.

В позднесарматском погр. №2, кург. №78 могильника Львовский Первый-2 в Дагестане обнаружен костяной гребень с высокой спинкой. Отмечается, что по форме он схож с синхронными образцами из Кавказской Албании (Мингечаур), а также с образцами из древностей ранних кочевников Тувы (1, с. 66–67, 134, рис. 63, 5). Такая форма напоминает и форму ткацких гребней, а также форму упоминавшегося гребня из поселения у с. Жаботин. Но, видимо, в первую очередь действительно следует обратить внимание на восточные аналогии. Близкие по форме гребни, но имеющие свои отличительные черты в оформлении, обнаружены в древностях ранних кочевников Восточного Казахстана, Саяно-Алтая, Тувы,

белореченской (березовский этап), тагарской, джетыясарской культур.

В последнее время появилась краткая информация о находках еще двух гребней из погр. №4 Ипатовского кургана (костяной односторонний) и из кург. №14 могильника Веселая Роща III (фрагменты костяной пластины с бронзовыми заклепками, двухсоставной) (31, с. 401). Однако я пока не имею более подробных сведений о них. В целом, создается впечатление, что, в отличие от предшествующего периода, производство костяных гребней у сарматов Северного Кавказа носило оригинальный характер и не было столь тесно связано с влиянием античных центров.

Гораздо более массовые примеры находок гребней относятся к последующему периоду, связанному с историей алан на Северном Кавказе. Наиболее ранняя находка деревянного одностороннего гребня с широкой и невысокой спинкой зафиксирована в аланской катакомбе VII–VIII вв. в Пятигорье (33, рис. 3, 18). По своей форме он близок одному из типов черняховских трехчастных гребней, образец которого найден, например, в позднесарматском погр. №1, кург. № 2 могильника Московский I на левобережье р. Сал. Погребение датируется 2-й пол. III–IV вв. (11, рис. 3, 15). Второй половиной VIII–IX вв. датируется гребень с широкой и высокой спинкой из погр. №2 могильника Мартан-Чу (Чечня) (10, с. 66, рис. 3, 36). Но для аланских памятников наиболее типичными становятся двусторонние гребни.

Наиболее ранним из известных мне образцов является деревянный гре-

бень из погребения кург. № 12 могильника Нагавский II на Нижнем Дону, входящего в местную группу погребений 2-й пол. II — 1-й пол. III вв. н.э. (26, рис. 4, 20). Следует отметить, что появление этих погребений в регионе связывается с экспансией алан из Центрального Предкавказья. Импортный гребень, сделанный из слоновьей кости, обнаружен в западном кугульском склепе №2 VI–VII вв. (34, рис. 4, 18). С IX в. такие деревянные образцы начинают фиксироваться и в других аланских погребениях. Известно о находках подобных самшитовых гребней: 7 экз. из могильника Мощевая Балка и 1 экз. из могильника Суаргом (51, с. 61). Обнаружены аналогичные деревянные гребни: по 4 экз. из скальных погребений в Кувинском ущелье (балка Балабанка) (21, с. 70) и из погребения катакомбного могильника у с. Кобан, 8 экз. IX в. из средневековых погребений аланского катакомбного могильника у с. Даргавс (Северная Осетия). Один даргавский гребень имеет орнамент из трех фигур в виде трех концентрических кругов с точкой в центре, другой — аналогичную фигуру с линиями-полуовалами над ним, что сравнимо с одним из образцов из Мощевой Балки. Один из гребней был помещен вместе с бронзовым зеркалом в кожаный футляр, что находит себе параллель в материалах из могильника Мощевая Балка, другой имел частые зубья на обеих сторонах (44, с. 270–271), что сравнимо с некоторыми более ранними образцами из северопричерноморских центров.

Еще несколько деревянных гребней представлено в средневековых погре-

бениях аланского катакомбного могильника у ст. Змейская (Северная Осетия) (материалы любезно предоставлены Р.Ф. Фидаровым). В кат. №357 был обнаружен фрагмент полуистлевшего гребня, у которого видны зубцы с одной стороны. В кат. №234 под зеркалом был обнаружен гребень в плохом состоянии. Зубцы сохранились с одной стороны. К ним прилип фрагмент кожаного чехла зеркала. На гребне различимы три фигуры в виде трех концентрических кругов с точкой в центре. В кат. №43а была обнаружена небольшая дощечка соответствующих размеров с аналогичным орнаментом. Но сохранность не позволяет четко атрибутировать ее как гребень.

Фрагмент деревянного гребня найден в катакомбе IX в. у Маяцкого поселения. Такие гребни известны по изображениям на половецких изваяниях и в погребениях половцев (29, с. 46, рис. 20, 16). Деревянный двусторонний гребень зафиксирован в печенежском погребении X–XII вв. в дер. Матвеевка в Крыму (2, с. 76, 135, таб. 49, 3), самшитовый — в кочевническом погребении конца XIII — начала XIV вв. в пос. Мысхако в Северо-Восточном Причерноморье (5, с. 216, 269, таб. 102, 10), деревянный — в кочевническом погребении кург. №2 золотоордынского времени могильника Высокая гора на водоразделе рр. Дон и Богучарка (18, рис. 4, 16), деревянный гребень с кружковым орнаментом в курганном монгольском погребении XIII–XIV вв. у хут. Семенкина на р. Сал (19, с. 119, рис. 35, 15). Образцы таких гребней известны по черкесским памятникам средневековья (4, с. 240, рис. XIIIa, 29). Не ранее конца XI в. костяные двусторонние гребни появля-

ся в Саркеле (46, с. 630, рис. 3, 9–10), а с XII в. — в древнерусских памятниках. Тогда же в виде импорта или за счет изготовления на месте по импортным образцам они появляются в Прикамье (39, таб. LVI, 9, XLVI, 4). Аналогичные деревянные неорнаментированные гребни найдены среди раннесредневековых материалов Ферганы (Мункачтепе), что свидетельствует об их широком ареале распространения. В то же время находка гребня в монгольском погребении на Северном Кавказе указывает на то, что к тому времени использование подобных гребней стало уже собственной традицией в регионе.

Традиция использования двусторонних самшитовых гребней на Северном Кавказе имела достаточно долгую последующую историю. Соответствующие экземпляры отмечаются в позднесредневековых осетинских склепах у с. Даргавс, в склепах у с. Бишт и Харпе, в Шуанском могильнике в Ингушетии, в погребении могильника Байрым в Балкарии (49, с. 103, рис. 31; 25, рис. 44). Некоторые из них имеют орнамент в виде прямых и ломаных линий, либо украшены циркульными композициями. Даргавские образцы сопоставляются с гребнем из аланской катакомбы у с. Балта VIII–IX вв. в Северной Осетии. Аналогичные гребни известны и в позднесредневековых осетинских склепах Южной Осетии. Здесь же отмечается гребень, сделанный из полой части рога. Следует обратить внимание на редкое присутствие на аланских гребнях Даргавского могильника какого-либо орнамента. Орнамент на позднесредневековых осетинских образцах практически не имеет связи с

более ранними образцами из аланских погребений.

Необходимо отметить, что появление двусторонних гребней в аланских памятниках Северного Кавказа хронологически опережает появление таких в Саркеле, у иных кочевников и на Руси. Полагают, что на Северный Кавказ попадали самшитовые заготовки, из которых аланские мастера сами изготавливали гребни. Прототипы таких гребней, как и встречающийся на них циркульный орнамент, связывают с византийской традицией, предполагая непосредственное знакомство местных мастеров с импортными образцами (51, с. 61, 62). Не отрицая вероятности подобного решения, хотелось бы привести некоторые наблюдения.

Циркулярный орнамент известен как украшение разнообразных предметов из памятников сарматских и средневековой аланской культур, более ранних скифской и савроматской. Присутствует он на гребнях, например, тагарской, таштыкской и древнетюркских культур; известен на различных предметах черняховской культуры, в том числе, на одночастных гребнях сер. I — нач. II вв. н. э. и на их трехчастных дериватах. Использование орнамента из вписанных друг в друга кругов отмечается на собственно сарматских гребнях. Циркулярный орнамент представлен на заманкульском гребне, на котором между двумя параллельными линиями проведена зигзагообразная линия. Второй элемент орнаментации известен на гребнях из северопричерноморских центров, на черняховских образцах, на позднесредневековых гребнях Северного Кавказа. На черняховских образцах известна и композиция, близкая

отмечаемой на гребнях из Даргавса и Мощевой Балки.

Справедливо было указано, что орнаментация концентрическими кругами уходит в глубь III тыс. до н.э. и не может сама по себе служить датирующим признаком. Такая орнаментация присутствовала на гребнях Ассирии и Микен. Однако она была малохарактерна для античных гребней классического и эллинистического периодов. Популярной такая орнаментация становится, в частности, во оформлении херсонесских гребней в позднеантичный и ранне-средневековый периоды. Так, она использована на двух херсонесских гребнях, один из которых украшен и изображением бюста человека в стиле римской скульптуры II–III вв. н.э. Вместе с тем, орнаментация гребней концентрическими кругами в ранний период отмечается на территории Скифии (42, с. 145–146, таб. XIX, 3, 6). Такая орнаментация представлена на упоминавшихся гребнях из скифских погребений кург. №8 могильника Терновое I, малого кургана близ Огуз. Представлена она и на упоминавшемся гребне из погребения мавзолея Неаполя Скифского в Крыму, служившего усыпальницей правителей позднескифского государства. Причем, как сейчас установлено (15, с. 41), правящий род этого царства, его аристократическое окружение и в значительной части их воинские формирования были выходцами из кочевой среды Предкавказья-Прикубанья. Позднескифское же государство являлось непосредственным соседом Херсонеса.

Знакомство алан с гребнями, в том числе, самшитовыми, соответствующих форм и с элементами орнамента-

ции могло произойти достаточно рано. Их использование диктовалось традициями, в первую очередь, бытовавшими в Причерноморском регионе, где, к тому же, пересекались различные традиции. Появление гребней общеевропейских форм, как нередко называют двусторонние экземпляры, здесь могло иметь давнюю историю. Собственно, традиция изготовления гребней появилась в Древнем Египте и Ассирии, где возникли и двусторонние образцы для гигиенических целей. Наибольшее распространение они получают в римское время и в эпоху раннего средневековья.

В античных центрах Северного Причерноморья наиболее ранние деревянные экземпляры VI–II вв. до н.э. (нет образцов ранее первой половины V в. до н.э.) имели немного вогнутые торцовые стороны и изредка украшались нарезным орнаментом, а экземпляры II–III вв. — выгнутые стороны. Они были настолько популярны, что изготавливались даже миниатюрные подвески в виде таких гребней для золотых боспорских ожерелий (42, с. 138–139; 48, с. 228, 321, таб. СXXX, 8–11). Деревянные и костяные двусторонние гребни продолжали использоваться в Крыму представителями разных народов и в раннем средневековье (Боспор, Эски-Кермен, Херсон). Распространение двусторонних гребней на различных территориях и у различных народов снимает вопрос вероятности рассмотрения их как этнического индикатора. На Северном Кавказе распространение таких гребней, прежде всего у алан, могло стимулироваться византийским влиянием, что подтверждается наход-

кой импортного гребня из западного кугульского склепа № 2. В то же время гребни из скифских погребений, образцы из сарматского погребения могильника Александрин I и раннеаланского погребения могильника Нагавский II могут свидетельствовать о раннем знакомстве кочевников с такими гребнями именно через контакты с северопричерноморскими центрами. Кружковая же орнаментация гребней четко фиксируется на скифских и сарматских образцах. К средневековым аланам традиция использования двусторонних гребней могла идти из северопричерноморских центров, одновременно обеспечиваясь и влиянием предшествовавших им этнически родственных скифов, сарматов (частью впоследствии инкорпорированных в создававшиеся аланские этноплеменные союзы) и ранних алан.

Произрастание «колхидского самшита» (*Vixus colchica*) в Бзыбской Абхазии, непосредственно на трассе Шелкового пути, позволило считать соответствующие аланские гребни предметами импорта (51, с. 61). Действительно, использование самшита говорит в пользу импорта, прежде всего, деревянных заготовок или более крупных блоков. Традиция использования гребней из самшита при сохранении на протяжении многих столетий стандартных форм и размеров позволяет считать их продуктом изготовления местных мастеров (несомненно, местным производством являются роговые гребни соответствующей формы). Для находок

из аланских средневековых погребений на Северном Кавказе вполне вероятно поступление через близлежащие перевалы. В то же время следует допускать, особенно для Центрального Предкавказья, возможность поступления через местные горные проходы или через Дербентский проход с прикаспийской территории. Известно, что «гирканский самшит» (*Vixus hircana*) произрастает в Талыше (Азербайджан) и прикаспийских районах Ирана.

Наконец, хотелось бы привести и одно письменное свидетельство. В «Таблице стран» Абу-л-Фида (1273–1331 гг.) сохранились сведения Ибн Саида ал-Магриби (1214–1286 гг.) о местности, «поросшей самшитом», из которой самшит доставлялся во все концы мира. Географическая локализация «поросшей самшитом» по источнику позволила поместить ее в Восточном Крыму (8, с. 62–63). Хотя данные сведения относятся к более позднему времени, чем находки из аланских погребений (видимо, следует учитывать и крайне медленный рост самшита), но они, вероятно, могли бы позволить включить Крым в ряд важных экспортеров самшита, в том числе, и на Северный Кавказ в предшествовавший период. Интересно, что в источнике говорится о вывозе именно самого самшита, что косвенно может указывать на изготовление таких гребней аланскими мастерами из импортного материала.

1. Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г. Курганы Нижнего Сулака: могильник Львовский Первый-2 // Материалы и исследования по археологии России. М., 2000. № 2.

2. Айбабин А.И. Степь и Юго-Западный Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. М., 2003.

3. Алексеев А.Ю. Гребень из кургана Солоха и скифские цари V–IV вв. до н.э. // Археологический сборник. СПб., 2003. Вып. 36.
4. Алексеева Е.П. Материальная культура черкесов в средние века // ТКЧНИИ. 1964. Вып. IV (серия историческая).
5. Армарчук Е.А., Дмитриев А.В. Курганные могильники // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. М., 2003.
6. Беспалый Е.И. Позднесарматское погребение из могильника Высочино V на водоразделе между Кагальником и Доном // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов-на-Дону, 2000. Вып. I.
7. Беспалый Е.И., Парусимов И.Н. Комплексы переходного и раннескифского периодов на Нижнем Дону // СА. 1991. № 3.
8. Бубенок О.Б. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.). Киев, 2004.
9. Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV века до н.э.). (Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза). Грозный, 1972.
10. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Аланский могильник у сел. Мартан-Чу (материалы 1970–1976 гг.) // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.
11. Власкин М.В., Ильюков Л.С. Погребение литейщика позднесарматской культуры // Донская археология. Ростов-на-Дону, 1999. № 1 (2).
12. Вольная Г.Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тысячелетия до н. э. (на материале скифо-сибирского звериного стиля). Владикавказ, 2002.
13. Гуляев В.И. Резная кость из курганов скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2004.
14. Завитухина М.П., Морозов С.В. Тагарский могильник Кичик Кюзюр I в Хакасии (раскопки 1965–1967 гг.) // Археологический сборник. СПб., 2003. Вып. 36.
15. Зайцев Ю.П. Хронология царства Скилура (по археологическим данным) // Материалы 7-го археологического семинара «Античная цивилизация и варварский мир». Краснодар, 2000.
16. Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V вв. н. э. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1993. Вып. III.
17. Казанский М.М., Мастыкова А.В. Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху великого переселения народов // Историко-археологический альманах. Армавир-М., 1998. Вып. 4.
18. Кравец В.В., Березуцкий В.Д., Бойков А.А. Погребение кочевой знати золотоордынского времени в курганной группе «Высокая гора» на юге Воронежской области // Донская археология. Ростов-на-Дону, 2000. №3, №4.
19. Ларенок В.А. Позднекочевнический могильник на р. Сал // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 году. Азов, 1991. Вып. 10.
20. Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. М., 1965. Вып. Д1-31.
21. Ложкин М.Н. Деревянные изделия из скальных погребений в Отрадненском районе Краснодарского края // Древности Кубани (материалы научно-практической конференции). Краснодар, 1991.

22. Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов-на-Дону, 2000. Вып. I.
23. Манцевич А.П. Гребень и фиала из кургана Солоха // СА. 1950. Т. XIII.
24. Марковин В.И. Скифские курганы у с. Гойты // СА. 1965. № 2.
25. Мизиев И.М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII–XVIII вв. Нальчик, 1991.
26. Мыськов Е.П., Сергацков И.В. Позднесарматские комплексы на Нижнем Дону // РА. 1994. № 2.
27. Парусимов И.Н. Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Новочеркасск, 1997. Вып. 2.
28. Патрушев В.С. Антропоморфные изображения из Старшего Ахмыловского могильника // КСИА. 1980. Вып. 162.
29. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. Е4-2. М., 1974.
30. Покровская Е.Ф. Предскифское поселение у с. Жаботин // СА. 1973. № 4.
31. Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н. э. Ставрополь, 2005.
32. Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). М., 2001.
33. Рунич А.П. Катакомбный могильник VII–VIII вв. около г. Кисловодска // СА. 1968. № 3.
34. Рунич А.П. Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. 1979. № 4.
35. Садыкова М.Х., Васильев В.П. Поздние прохоровцы в Центральной Башкирии // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2001. Вып. 3.
36. Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000.
37. Скрипкин А.С. Материалы Суловского курганного могильника // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 1998. Вып. 1.
38. Скрипкин А.С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2000. Вып. 3.
39. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. 1952. № 28.
40. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
41. Смирнова Г.И. О редком типе костяных гребней из раннескифских памятников лесостепи // Археологический сборник. СПб., 2005. Вып. 37.
42. Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья // МИА. 1971. № 178.
43. Спицын А.А. Сергозские кураны (с 3 табл. и 46 рис.) // ИАК. СПб., 1906. Вып. 19.
44. Туаллагов А.А. Самшитовые гребни из аланских могильников // Четвертая Кубанская археологическая конференция. ТД. Краснодар, 2005.
45. Туаллагов А.А. Скифы и сарматы Северного Кавказа. Владикавказ, 2006.
46. Флерова В.Е. Гребни средневекового Подонья (по материалам Саркела-Белой Вежи) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1998. Вып. VI.
47. Фиалко Е.Е. Костяные гребни из скифских памятников // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. (К 100-летию со дня рождения Б.Н. Гракова). Запорожье, 1999.

48. Цветаева Г.А. Мебель, бытовая утварь, отопление, освещение, предметы туалета, игрушки // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.

49. Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И. Детское погребение золотоордынского времени из горной Ингушетии // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984.

50. Черненко Е.В. Гребни скифов // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. — V в. н. э. Материалы Международной археологической конференции 10–14 октября 1994 г. Тирасполь, 1994.

51. Чижова А.А. Некоторые археологические свидетельства торгового обмена адыго-аланских племен Северного Кавказа с соседями в VII–IX вв. // Альманах молодых археологов. СПб., 2004.